

После очередной — на этот раз двухмесячной — командировки в «горячую точку» командир мотострелковой роты Игорь Кедров без единой царапины возвращался к семье, домой. Здесь не просыпались ночами от треска автоматных очередей на улицах; не опасались, что из не приметного авто, проезжающего мимо КПП воинской части, вдруг вылетит граната; не ждали пули или ножа в спину во время патрулирования по чужому городу, население которого на дух не переносило миротворцев в погонах. Здесь был мир — привычный, пусть со своими проблемами, не всегда справедливый, но — мир...

Людмила встретила Игоря так, как и должна была встретить офицера, вернувшегося из длительной командировки на войну, любящая жена: кинулась на шею, расцеловала под восклицания: «Ну наконец-то! Слава Богу!» и срочно погнала благоверного под душ, сама же захлопотала на кухне.

Но, сев за накрытый стол, который венчала запотевшая непорочная бутылка «Таможенной» водки, капитан быстро понял: не все спокойно в королевстве Кедровых. Это проглядывало и в напряженно нахмуренных бровях жены; и в ее ответах на мужнины вопросы о житье-бытье — дважды невпопад; и в неловком движении — за

малым не просыпала кофе, а размешивала его быстро, нервно побрякивая ложечкой о стенки керамической кружки.

— Случилось что? — еще не допив забеленного сгущенкой любимого напитка, спросил Игорь.

— Представь, да,— моментально откликнулась Людмила.

— Серьезное?

— Серьезней не бывает.

— Так рассказывай.— И Кедров отставил кружку.

— Дочь твою одноклассник ни за что избил! — с прорвавшейся ноткой злости выпалила жена.

— И... сильно?

Перед глазами Игоря возник образ Иринки, тихони-семиклассницы.

— Да уж... Со всей дури полной папкой с книгами по голове! А бил подло, сзади... На перемене подскокил. Иринка чуть не упала, плачет, а все вокруг смеются, и этот гаденыш громче остальных.

— Учителя знают?

— А толку? Ходила я уже к директрисе...

— Такого слова вроде бы как нет,— опрометчиво заметил Игорь.

— Зато человек есть! — тут же взорвалась Кедрова.— Дама за сто килограммов! Вся из себя: что костюм, что прическа, плюс на каждом пальце по бриллианту! И заявляет: а может, он нечаянно... Какое, говорю, если он Иринке проходу не дает! То лягушку в рюкзачок, то кнопку на стул... То подножку, то в спину кулаком... А бриллиантовая, на пару с классной руководительницей, хором: нет, Леша хороший! Он просто очень моторный... Что, Карлсон, что ли? Ну да я точно знаю, почему они его выгораживают. Папочка у этого хулигана преуспевающий коммерсант, он же главный школьный спонсор. Потому в классе и доска импортная, и мебель... Ремонт текущий — покраска-побелка — опять за счет фирмы... Да все учителя на этого нового русского молятся, словно на чудо-икону!

— Ну а ты сама с этим папой когда-нибудь встречалась?

— Представь, да. В середине зимы «очень моторный» у нашей безответной рюкзачок отобрал, полный снега напихал, а ей — за шиворот... Стала я папе после родительского собрания выговаривать — он на них лично ходит; нравится, видно, что учителя ему задницу лизут... Так он от меня прямо открестился!

— Но хоть что-то по этому поводу сказал?

— Сказал... Он-де по образованию психолог. И глубоко убежден, что дети меж собой все проблемы сами решать должны, без взрослых. Тогда, значит, развитие свободнее... Вот, говорю, пусть впредь его сын с второгодником Мамоновым такие проблемы и решает... Есть там у них: в плечах — метр, рост — под два... А этот чертов новорусский, дуб со золотой цепью на шее, только ухмыляется. Говорит, если Алексею очень хочется с вашей дочкой общаться, не препятствуйте... Глядишь, в будущем и породнимся!

— Вот скот! — помимо воли вырвалось у Игоря.

— Ага! В лицо ему и скажи! — почти прокричала Людмила.— У него, я слышала, полная фирма телохранителей! С пистолетами! Никакой твой рукопашный бой не поможет!

— Как сказать...

— А как хочешь! Да, кстати...— сбавила тон жена.— Его после последнего случая все-таки в школу вызывали. Записку-отписку, наглец... Мол, весь в делах и заботах, переговоры с границей... Словом, на пустяки не размениваюсь. Классная мне и заявляет: а что тут школа может сделать? Не силком же уважаемого человека тащить!

— На крайний случай можно и так — через милицию...

— Давай, помечтай... Нет, преподобного Лешу, конечно, директриса при мне вежливо так отчитала... Да только ему на эти нотации давно начхать! Другие-то одноклассники, по примеру дурному, тоже руки распускать начали!

— Что конкретно от меня требуется? — решил уточнить Кедров.

— Как что? Ты — отец, вот и принимай меры. Хоть какие-то — моих дамских сил здесь явно не хватает! — И Людмила в сердцах загремела посудой.

— Слушай, а почему именно на Иринке отъезжают? — вслух задумался Игорь.

Жена прекратила мыть тарелку.

— Не понял? Эх ты... Забыл, когда в очередной раз переехали? Новенькая она, а класс тяжелый, сложный. Кстати, это именно благодаря твоей распрекрасной службе мы всю жизнь по чужим углам маемся, а дочь уже которую школу меняет... Результат...

— Что ж, диспозиция ясна.— И боевой капитан поднялся со стула.— Будем думать...

— Представь, давно пора бы. Пока дочери все кости не переломали...

...Тот день был субботним, и, когда вернулась из школы дочь — хрупкая, большеглазая,— Кедров, что было ему несвойственно, попытался вызвать ее на откровенный разговор.

— Он действительно именно тебе проходу не дает? Этот Леша? — спросил Игорь и поразился: глаза Иринки сразу заслезились и в зрачках заплясали огоньки страха.

— Он меня... Каждый день...— всхлипывала девочка.— Сегодня за хвост как-ак дернет! Будешь, говорит, ябедничать — по стенке размажу! А за ним и эти: Мокрицкий, Перегудов... Дави, кричат, ябеду-беду! Лешка еще и на свитер плюнул...

Игорь стиснул зубы...

Оставшуюся часть дня офицер усиленно размышлял: искал достойный выход из, увы, вполне заурядной для сегодняшней российской школы ситуации. А ближе к вечеру постучался к соседу, бывшему сослуживцу, ныне же подполковнику запаса, который судился с финуправлением округа за так называемые «боевые» деньги, незаконно не выплаченные ему после командировок в «горячие точки».

— Слушай, Григорьич, ты вот своего адвоката так хвалил, так расхваливал... А телефончик-то его можешь дать? — попросил Игорь.

— Что, тоже «боевые» зажали? — любопытно сосед, листая старенький блокнот.

— Да нет. Тут кое-что другое... образовалось,— уклонился от прямого ответа Кедров.

Созвонившись с адвокатом, он объяснил, откуда у него его телефонный номер, и попросил о консультации — разумеется, не бесплатной.

— А когда вам удобно? — поинтересовался собеседник на другом конце телефона.— Я, в принципе, и сейчас свободен. Если сами сможете в центр подъехать... Нет, для меня — не поздно.

— Для меня — тем более,— уточнил офицер.— Диктуйте адрес... Так... Есть... Смогу быть примерно через час.

Мужчины встретились у входа в небольшой парк. И пока прогуливались по его центральной аллее, Игорь внятно изложил адвокату суть школьной проблемы и как именно собирается оную решать.

— Ну, общую ситуацию я уяснил...— адвокат приостановился и слегка потер подбородок.— И что вы предполагаете сделать, понял. М-м-м... По-армейски прямолинейно, однако и нестандартно. Вот будет ли прок? Ладно, пойдемте назад... Так сколько вашей дочери лет? Только точно — это важно.

— Через два месяца четырнадцать исполнится, а что? — не понял Игорь.

— Вот это хорошо. Это даже отлично! — взбодрился консультант. — Понимаете, в Российской Федерации уголовная ответственность наступает только с четырнадцати лет, посему в вашем случае состава преступления не усматривается. Словом, на момент совершения вашей дочерью в течение следующих двух месяцев каких-либо противоправных действий — ну ведь не убивать же вы, в конце концов, ее руками кого-то собрались, — она при любом раскладе не будет являться субъектом преступления. По максимуму — разве поставят на учет в милиции. М-м-м... Ну а на вас, полагаю, составят административный протокол по статье 5.35 КоАП РФ.

— А если попроще? Что еще за КоАП такой? И о чем статья?

— Кодекс об административных правонарушениях. Статья же эта называется «Ненадлежащее исполнение родительских прав». Максимум триста рублей штрафа. И то — возможно, конечно, я ошибаюсь, все-таки у меня не тот профиль, — кажется, военных и вовсе не штрафуют. Сообщают о «ненадлежащем» на службу, руководству, оно и разбирается — по своей линии.

— Лучше бы три сотни штрафа... — задумчиво произнес Кедров. — Это мелочевка. А вот замполиту компру слить — тот может такое кадило раздуть!

— Сожалеею, — развел руками адвокат. — Протоколы по пять-тридцать пять рассматривает специальная комиссия при администрации района. Поставить ваше начальство в известность о... м-м-м... пока еще не случившемся противоправном действии она стопроцентно обязана. В самом худшем случае материал передадут напрямую в военную прокуратуру, ну а там... Разберутся. Взыскание в итоге все равно какое-либо получите, протокол же потом в архив спишут — и финита ля комедия.

— Ч-черт! — выругался Игорь. — Взыскания не хотелось бы. Только... В данной ситуации другого выхода не вижу.

— То есть, путь законный вас совсем не интересует? — уточнил адвокат.

— Это не путь, а тупик, — возразил Кедров. — Жалобы учителям и районным чиновникам? Заявления в ментуру и прокуратуру? Абсолютно не вижу перспективы.

— Да, это тяготно, соглашусь... — адвокат несколько шагов поразмышлял. — М-м-м... А если, скажем, детальную бумагу напрямую в комитет по образованию подготовить? Есть там один чиновник... Сергей Петрович. Можно подсуетиться, чтобы она на разбор именно к нему и попала. А уж после его представлений — он по натуре обожает все дерьмо до упора разгребать — не одна директорская задница из насиженного кресла как от катапульты вылетала. С вечным клеймом «знак педагогического некачества».

— Нет, я уж как-нибудь сам, — открестился Игорь. — Ладно. За консультацию благодарствую. Так сколько там я должен?..

А вернувшись домой, боевой капитан окончательно уже утвердился в мысли: в случае с «преподобным» Лешей, который тоже пока по возрасту не подпадает ни под одну уголовную статью, требуется активное контрнаступление. То бишь надо суметь поставить неуправляемого подростка — по-видимому, еще и активно поощряемого отцом — на место Иринки, на своей шкуре дать ему почувствовать унижение и боль.

Вот и оставался лишь тот самый прямолинейный армейский вариант. Хотя Игорь и прекрасно осознавал его последствия: такой своего рода артиллерийский огонь, под которым немудрено серьезное ранение получить...

— Ну и как, решил что-нибудь? — поинтересовалась к вечеру воскресенья жена у Кедрова.

— Так точно, — кивнул тот. — Сейчас вот Иринке буду подробный инструктаж давать.

— Что еще за инструктаж? — насторожилась Людмила. — Ох, смотри...

— Да уж как-нибудь без тебя погляжу,— невежливо отозвался офицер и с нажимом в голосе произнес: — Сама требовала — теперь не вмешивайся. Теперь это уже мое, мужское дело...

После командировки Кедрову предоставили десятидневный отпуск. И в понедельник офицер, надев камуфляжную форму и берцы, ближе к обеду зашагал в школу, к дочери. У Иринки как раз подходил к концу последний, пятый урок, когда капитан осторожно постучался в класс. Через несколько секунд дверь приоткрылась, и в проеме обрисовалась худосочная фигура пожилой женщины. Игорь уже знал, что это учительница математики, она же — классный руководитель дочери, прозванная учениками Ожившей Мумией.

— В чем дело? — буравила она жестким взглядом маленьких поросычких глаз высокого рыжебородого (в «горячих точках» многие военные не бреются) мужчину.

— Я отец Ирины Кедровой. Можно дочь на два слова?

— Что за срочность? — математичка чуть повернула голову с гладко зачесанными назад седыми волосами, собранными на затылке в жидкий узел.— До конца урока пятнадцать минут...

— Очень нужно.

— Ну хорошо. Кедрова, на выход...

Уточнив у дочери, на занятиях ли ее обидчик и за каким столом сидит, офицер дождался звонка и вошел в класс.

Иринка из-за спины упитанного подростка-здоровячка с тщательно расчесанными длинными волосами указала на него пальцем. Длинноволосый собирал учебники в кожаную, размером с небольшой кейс, папку с золотым тиснением «Petek». Капитану сразу бросились в глаза кофта от спортивного костюма «Nike», в которую был одет подросток, и часы «Ориент» на его запястье.

— Тебя, что ли, Алексеем зовут? — обратился к здоровячку Игорь.

— Ну, допустим,— отцедил тот, настороженно глядя на незнакомого бородача в камуфляже.

— Тогда давай знакомиться,— офицер сел верхом на стул у стола, рядом с длиноволосым.— Заодно и о делах наших грешных покалякаем... Я — отец Ирины, твоей одноклассницы.

Тем временем все ученики, кроме Кедровой и здоровячка, покинули класс. Ожившая Мумия, тоже было собиравшаяся уйти, выжидательно застыла на учительском месте.

— Нету у меня с вами никаких дел,— уткнувшись взглядом в пол, угрюмо пробурчал подросток.— И вообще: некогда мне, спешу.

— И чего это у вас в семье все такие занятые? — небрежно осведомился капитан.— Отцу, вишь, недосуг в школу заглянуть, даже если и вызывают; ты тоже гляди какой деловой...

— Игорь Дмитриевич, а вы, собственно, по какому вопросу? — вмешалась Ожившая Мумия, быстро листавшая журнал, и Кедров понял, что именно искала учительница: его имя-отчество.

— Известно по какому: вопросу методичной, изошренной травли моей дочери вот этим «милейшим» молодым человеком.

— О чем вы? Никакой травли нет и быть не может,— торопливо возразила преподавательница, готовая замахать руками в подтверждение своих слов.— У нас показательное учебное заведение...

— Стало быть, портфелем по голове никто никого не бил? Врет моя дочь? И ос-

тальное: тычки, пинки, дерганье за волосы... Я уж не говорю о порче учебников, когда он ей снегом рюкзачок набил, да еще и за шиворот натолкал...

— Ну... — запнулась женщина, и ее и без того бледное лицо еще больше побледнело. — Мы же все эти эпизоды уже разбирали. А по поводу недавнего — вообще простая случайность...

— Разбирали, да не до конца, — жестко отпарировал Игорь. — Так что сейчас мой разбор будет. Итоговый...

— Вы... Вы не имеете права, — беспокойно возразила Ожившая Мумия и даже со стула привстала. — Убедительно прошу в кабинет директора.

— Что я там забыл? — спросил, пожав плечами, капитан. — Записку отцубизнесмена посмотреть, где он всех подальше посылает? А вот хватит, допустим, духу с этой отпиской в городской комитет по образованию явиться? Скажем, к Сергею Петровичу — наденюсь, слышали про такого? Да в нос ему, как моей жене, этой бумажкой ткнуть... Мол, мы руки умыли, а ты, если желаешь, разбирайся. Ну, я этого чиновника очень хорошо знаю. Вы даже не представляете, что он с вами сделает, когда про все узнает...

Кедров намеренно соврал, решив слегка «наехать» на математичку — дабы беседе не мешала.

Под впечатлением сказанного красная руководительница — расчет оказался верен — вернулась на стул и замолчала, зябко поведя тощими плечами.

— Так за что ты недавно ударил мою дочь? — вновь обратился капитан к подростку.

— Я... нечаянно... — пробормотал тот, отводя теперь взгляд в сторону.

— Врешь, и неумно, — спокойно возразил офицер. — Иринку надо было догнать сзади, размахнуться, а уж потом только шарahnуть... что есть силы. И почему-то ты мою дочь, допустим, с Мамоновым не перепутал. Или кишка тонка ему по башке врезать?

Длинноволосый затравленно молчал.

— Сумка у тебя в руках на перемене тоже «нечаянно» оказалась? Лягушку в портфель опять «по случаю» запихнул? Шпыняешь постоянно — все «невзначай»? За волосы в субботу кто дергал? На свитер кто плевал?

Незаметно для себя Кедров распалился и последние обличения выкрикивал — как команды на строевом плацу. Подросток от хлестких слов, будто от пощечин, стал вздрагивать и съезился.

— Как вы смеете? — подала голос Ожившая Мумия. — Он же ребенок!

— Смею! — рявкнул офицер. — Я на войне, под пулями, страну от нелюдей защищал! А сейчас здесь, где не стреляют, родную дочь защищать вынужден! Любимая школа-то ее за подачки продала и предала! Око за око, зуб за зуб! Иринка, делай как договорились! Ну! — И, увидев, что девочка колеблется, вскочил на ноги — крупный, страшный в гневе — и отчеканил: — Бей! Бей, иначе всю жизнь сама битой будешь!

Тресь! — огрела Иринка обидчика своим рюкзачком по голове — сбоку-сзади. Красная руководительница судорожно вцепилась в журнал побелевшими пальцами. Увидев, что женщина уже открыла рот — что-то сказать, — капитан показал ей внушительный волосатый кулак:

— Заткнись! Я твою работу делаю! Или предпочитаешь десяток журналистов? Они падкие на скандалы! Живо вашу показушную школу в дерьмо опустят! А ты — места потом трудоустроиться не найдешь! Директор-то все грехи на себя точно не возьмет, коли жареный петух в темечко... Козлом отпущения будешь ты! Именно ты!

Ожившая Мумия превратилась в застывшую мумию. Игорь же тихо, с ноткой фальшивой ласки, спросил:

— Что ж ты, Лешенька, не радуешься? Ведь вон как ржал, когда Иринке со всей дури врезал и она слезами заливалась! Правда, тебе и сейчас весело? Дочь, а ну, добавь!

Тресь! — вновь опустился рюкзачок на голову обидчика.

— Слабо бьешь — не плачет! Изо всех сил лупи!

Тресь! Тресь! Тресь! — раз за разом ударяла девочка одноклассника, постепенно входя во вкус.

— Передохни... — остановил ее отец. — Ну, Лешенька, ты и туп... Не доходит, что колотить тебя будут, пока не заревешь?

В нестойкой тишине за дверью класса послышалось приглушенное хихиканье. Секундой позже на поясе подростка запищал сотовый, к которому, впрочем, владелец даже не прикоснулся, но, словно дождавшись сигнала, отчаянно заревел, размазывая слезы и сопли по сытому лицу.

— Вы в милиции за свои действия ответите! — пообещала классная руководительница.

— Неужели? А вы — за свое бездействие! На пару с директором! Я ведь не только в комитет по образованию пойду! В прокуратуру тоже! И в Министерство образования подробнее напишу! Во все российские газеты! В международный суд! Президенту! Отмываться замучаетесь!

Кедров переключился на голосащего сына нового русского.

— Рыдаешь? Что и требовалось доказать! Тот же, кто сейчас подглядывает, по всей школе разнесет, как жидок ты на расправу! Авторитет-то тю-тю! Но это не все! Дочь, давай!

— О-ой! — взвыл обидчик, когда Иринка что было сил дернула его за разлохматившиеся волосы.

— Стригись короче, — с издевкой посоветовал капитан. — А теперь — быстро сел! Ну!

Длинноволосый автоматически повиновался и тут же с новым криком взвился со стула, схватившись за ягодицу.

— Вот незадача! — усмехнулся Игорь. — Кно-опочка... Больно? Это тебе только что Иринка подложила...

— Вы... вы — садист! — глотала воздух широко открытым ртом Ожившая Мумия, наконец-то разлепившая губы.

— Неужели? А он тогда кто? — почти уткнул плачущему в грудь палец офицер. — Между прочим, сам лично я его не трогал, так? Но вот когда он всячески издевался над Иринкой, вы лично с директором где были? Боялись богатого папочку прогневить?

— Ладно, лягушки у меня нет, — не унимался капитан. — И хоть ты мою дочь еще и оплевал — не забыл? — мы на тебя плевать хотели, ан не будем: противно. Но вот сумку ее ты в снегу извозил, книги испортил... Извини, конечно, в апреле на снег недород, а вот лужа под окном имеется. Иринка! Швыряй туда его папку! Тебе мать новые учебники покупала — пускай и его папаша раскошелевается!

С выпученными глазами Ожившая Мумия наблюдала, как самая тихая ее ученица, постоянно подкармливающая ничейных котят и горяющая за любую замерзшую птичку и каждого щенка с перебитой лапкой, радостно выкидывает через форточку пожитки хулиганистого одноклассника и они с брызгами шлепаются в грязноватую воду.

— Мы уходим, — с поклоном пояснил Кедров сыну нового русского, в глазах которого метался животный страх. — Ты же вникай, Леша. Иринка с тобой сделала лишь часть того, что ты с ней вытворял раньше. Расскажешь папе — станешь ябедой.

А таких, как ты сам говорил, надо «давить и размазывать по стенке». Тронешь же мою дочь еще раз — еще раз приду я. И уж тогда возьмусь за тебя всерьез, сегодня были только цветочки. Что тут поделаешь, коль учителя-дармоеды ни на что не способны... Ну разве милостыню из рук твоего отца хапать... Дружков своих — Перегудова, Мокрицкого — тоже просвети.

— Мокрицкий за дверь и подслушивал,— неожиданно подала голос Иринка.

— Тем лучше. А вы, «многоуважаемая»,— саркастически заявил офицер классному руководителю,— так директору и разобъясните: и я — человек занятой. В том плане, что по записке в школу тоже не приду, и одного раза за глаза хватит. Ум есть — будете молчать. Нет — бейте в барабаны, бумерангом по голове получите. Педикгоги!

Офицер взял дочь за руку, вышел из класса и хлопнул дверью.

— Чокнутый! Дурак! Идиот форменный! — честила вечером мужа Людмила.— Представь себе: теперь ее точно забудут! И нам беды...

— Как сказать...— философски изрек Игорь.— Пока в отпуске, провожать буду в школу. И из школы... Но сыночку я точно рога пообломал. Он по натуре трусливый — сразу видно...

— Куда там! — не успокаивалась жена.— Голову Иринке прошибет — будешь тогда на лекарства в своих «горячих точках» зарабатывать!

— Не-е, я эту породу знаю... И близко не подойдет. Другое дело — возможно, папочка пообщаться захочет. Всегда милости прошу...

В своих прогнозах, как позднее выяснилось, офицер оказался прав.

Дней пять он провожал Иринку до школы, а затем прохаживался под ее окнами еще с час, чтобы на перемене дочь через окно могла указать на защитника одноклассникам.

Записку с требованием прибыть к директору через Иринку все-таки передали. Игорь, как и обещал, сослался на занятость. В конце ответа приписал: «Рекомендую педколлективу гораздо глубже вникать в климат взаимоотношений школьников, пока в «показательном учебном заведении» дело не дошло до смертоубийства».

В пятницу Кедров уже традиционно отвел дочь на учебу. По пути немного поговорили на «большую» тему.

— Что нового в школе за вчерашний день было? — спросил Игорь.

— Да ничего особенного, папа.

— А все-таки?

— Ну... классная наша, Маргарита Оттовна, опять возмущалась, что ты к директору так и не пришел.

«Вот же дура! — подумал офицер.— При чем тут Иринка? На километр бы эту мымру гладкочесаную к детям не подпустил!» Однако вслух только хмыкнул.

— Обидчики твои, ты говорила, сначала все притихли, а как теперь?

— Так же, папа. Никто ко мне даже близко не подходит.

— Значит, в этом смысле тебе жить поспокойнее стало.

— Ага. Но вот...

— Что? — насторожился Кедров.

— Катька вчера от меня к другой девочке пересела. И вообще... Сначала многие говорили, какой ты молодец, и что Лешку давно проучить надо было, а теперь вроде как сторонятся. Нет, если я чего спрошу — отвечают. Только...— И голос девочки задрожал.— Только сами уже почти не подходят. Прямо никто. И Катька вот к Зинке ушла, а ведь они никогда не дружили...

— Даже так? — несколько растерялся боевой офицер.

Кусочек пути они прошли молча. И вдруг Иринка нерешительно спросила:

— Папочка, а может, тебе и не надо было вовсе в школу приходить?

— Это ж почему ты так думаешь? — удивился Кедров.

— Ну... я вчера на переменке мимо нашего Мамонова проходила, а он со своими бывшими одноклассниками из девятого «б» стоит. Так они на меня искоса глянули, и один говорит: «Рокфеллера, — это так Лешку дразнят, — давно пора было опустить». Второй поддакнул: «И круто, чтоб не зазнавался!» А Мамонов заявляет громко так: «Вот только пахану Иркиному все равно в это дело вступать было не резон»...

— Знаешь, дочь, мне все-таки лучше какого-то второгодника судить, резон или нет, — только и нашел что возразить Игорь. Но подумалось ему, что «большая» тема оказалась куда более глубокой.

Некоторое время он подефилировал под школьными окнами — одетый в неизменный камуфляж. А возвращаясь домой мимо пивной, приютившейся на полпути меж его квартирой и школой, боевой офицер шестым чувством понял: его «пасут»...

Остановившись, вроде как высморкаться, он быстрым взглядом влево назад зафиксировал двух мордovorотов в фирменных спортивных костюмах, массивных кроссовках и с короткими ежиками причесок. Отставив в сторону недопитые кружки, мордovorоты нарочито лениво пристроились в кильватер капитану. Он же вспомнил, что на пути в школу видел рядом со «спортсменами», за столиком, еще двух «качков»: в свитере под горло и мощнейшего сложеня, в темном костюме, но без галстука. Сейчас «качки» топали Кедрову навстречу, а мордovorоты приближались сзади. Место разборки было выбрано квалифицированно: справа — высокий забор детсада, слева — глухая стена гаражного кооператива. Улочка немногочисленна, да и кому из случайных прохожих захочется нарваться на кулак или, чего хуже, на нож.

Клещи!!!

Игоря охватило тревожное возбуждение, как перед боем. По сути, капитан словно бы вновь очутился на войне. Особой. На которой ему запрещалось применять оружие и кроме умения сражаться голыми руками не было иных средств дать отпор превосходящим силам противника. И все-таки до чего точно удалось просчитать ситуацию! Иринку-то по утрам провожал умышленно — ждал, что папаша-бизнесмен клонет на удочку и пришлет телохранителей либо наемников за сатисфакцией... Дождался!

Ускорив шаг, чтобы быстрее встретиться сидущими на него и одновременно увеличить разрыв меж собой и настигающими, Кедров двигался прямо на атлета в костюме, оставляя его напарника правее.

— Ну, ты, блин! — выкрикнул атлет, приблизившись до трех шагов.

И рванулся вперед, выбрасывая правую руку с кастетом, усаженным короткими металлическими шипами. Таким сработанным по особому заказу холодным оружием можно запросто разможжить переносицу или переломить челюсть. Владелец кастета, похоже, и рассчитывал на первый — эффектный — удар, многократно проверенный на упрямых должниках и всяких лохах. Но перед ним находился мастер рукопашного боя...

Подшаг навстречу нападавшему — и офицер тут же развернул корпус по часовой стрелке. Летящий кулак со смертоносным железом просвистел мимо: враг провалился вперед. Перехватить правой рукой его запястье, продернуть противника чуть дальше и — короткий, вполсилы, удар ребром ладони по кadyку. Сделано!

«Ударил бы мощнее — прямая дорога на кладбище, — мысленно резюмировал Кедров. — А прием-то получился как четко: будто на тренировке...»

Продолжая движение, капитан с силой приподнял подбородок атлету и зажал его

шею под мышкой, в удушающих тисках. Правую руку врага — на излом... Оттащить плененного от дружков...

Весь прием занял секунды три, так что «качок» в свитере не успел активизироваться. «Спортсмены» и вообще еще только подбегали к месту схватки — правда, с уже выщелкнутыми лезвиями ножей-выкидушек в руках. «Свитер» наконец-то сподобился выхватить электрошокер и газовый пистолет.

«Легко уделал — надо ситуацию дожимать», — оформилась новая мысль, и капитан дико заорал:

— Стоять, суки! Еще шаг — и он покойник! — И тут же с притворной вежливостью поинтересовался у атлета, одновременно стаскивая с его беспомощной руки кастет: — Слышь, братан, тебя как зовут?

— Ник...кита,— в два приема выговорил тот, судорожно цепляясь за удушающую горло руку левой кистью. Остальные противники в замешательстве топтались на месте.

— Ну что, Никишок... Жить-то хочешь? Не то...— Игорь на секунду сдавил кадык плененному, и тот глухо захрипел.

— Эти звуки ласкают слух,— с издевкой произнес офицер, продевая в кастет пальцы правой руки.— Приятелям-то разобьясни: ежели кто дернется, первый труп — ты. Как минимум и еще одного закопаю, а повезет — всех! Дурилки! — опять закричал Кедров.— Я Афган и пять «горячих точек» прошел! Сколько тварей лично на тот свет отправил — со счета сбился! Четырмя меньше, больше — без разницы! — Чуть тише добавил: — Я к смерти давно готов, а вот вы? — И внимательным властным взглядом обвел застывшие, меловые лица врагов.

— Чуешь, что одной ногой в могиле? — продолжил капитан беседу с Никишком.— Оглянуться не успеешь — только позвонки хрустнут! — И после секундной паузы заорал: — А ну, на хрен отсюда! Да бегом, бегом!!! — Опять перейдя на обманчиво дружеский тон, как бы попросил: — Никишок, походатайствуй...— еще раз на миг придавив тому кадык.

— Уйдите... Прошу... Иначе эта падла...— атлет заперхал.

— Здесь точно четыре падлы,— уточнил капитан.— И точно знаю, что ни одна из них — не я.. Ножи и остальной арсенал — на землю! Ну! И свалили — больше не повторяю, ломаю ему шею!

— Уходите!!! — взвыл полузадушенный атлет.

Дружки нехотя повиновались.

...Дождавшись, пока обезоруженное трио удалилось метров на сто, Игорь одной рукой собрал с асфальта оружие, рассовал за пазуху и по карманам. Двигаясь то боком, то задом, протащил плененного шагов на тридцать в противоположную от друзей сторону. Двое случайных прохожих шарахнулись вбок...

У валявшегося близ дороги обломка бревна Кедров отпустил сломленного врага, и тот мешком свалился на облизанный дождями комель, обеими руками массируя горло.

— Слышишь меня хорошо? — спросил офицер.

Не отнимая рук от шеи, атлет с усилием кивнул.

— Тогда своему боссу — или кто он тебе — передай: за дочь любому глотку перегрызу! Усекаешь? А если хозяин твой не вникнет, сквозь всех телохранителей достану и через сотню пыток пропущу! В Афгане всякому научился... Уж там знают, как человека о собственной смерти умолять заставить!

Капитан и изрядно помятый атлет расходились в разные стороны. Игорь даже не оглядывался: настолько был уверен, что этот бой он выиграл... И вдруг остановился, взглядом упершись в новенький джип, припаркованный на противоположной сторо-

не расширяющейся улицы. Через открытое окно с заднего сиденья элитного авто на офицера злобно смотрел холеный мужчина с тонкими усиками и цейсовским биноклем в руках.

«А вот и сам заказчик»,— догадался мститель и замедлил шаг. Правая рука против воли опустилась на локтевой сгиб левой, и Игорь резко вскинул вверх одноименную с ней кисть.

Угадав, кому адресован сей неприличный жест, пассажир джипа торопливо поднял тонированное стекло. Шикарный автомобиль резво и почти бесшумно рванул с места...

Через сутки, ближе к вечеру, в квартиру Кедровых постучался мужчина в милицмейской форме.

— Участковый инспектор, лейтенант Суржиков,— представился он и предъявил краснокожую «ксиву».— Тут на вас, товарищ капитан, заявление поступило. О групповом хулиганстве... Со стороны вас и, соответственно, дочери вашей, несовершеннолетней... Разобраться следует...

— Что ж, проходите,— нехотя пригласил Игорь в комнату нежданного гостя. В принципе капитан допускал и такой ход развития событий, так что был к нему готов.

Участковый инспектор неторопливо достал из папки-«лентяйки» стопочку бумаг.

— Значит, так: что мы имеем. Есть протокол заявления от гражданина Юрчилова Станислава Викторовича по поводу подстрекательства вами вашей дочери на избивание его сына. Что в дальнейшем на ваших глазах и имело место... Подтверждается свидетельскими показаниями педагога Кутовой Маргариты Оттовны — она же классный руководитель потерпевшего и подозреваемой... Вот выписка из журнала приемов и отказов от госпитализации амбулаторных больных горбольницы номер два, а также акт судмедосвидетельствования от двадцать третьего апреля сего года. Согласно ему, у Юрчилова-младшего зафиксированы телесные повреждения в виде гематомы мягких тканей головы. Со слов отца, подросток также жалуется на непрекращающиеся головные боли... Да и вообще: произошедшее не могло не повлиять на психическое состояние несовершеннолетнего... Он в своем объяснении подтверждает изложенные отцом факты. Что можете пояснить по этому поводу?

— На протяжении длительного времени Юрчилов-младший методично и изощренно травил мою дочь,— начал Кедров,— мучил ее и систематически избивал. Однако педагоги всегда покрывали маленького садиста.

— Ваши слова бездоказательны,— перебил лейтенант милиции.— У Алексея Юрчилова — прекрасная характеристика. Подписана классным руководителем и директором школы...

— Конечно,— усмехнулся Игорь.— Чего не сделаешь... в надежде на папино подаяние...

— Не понял...

— Ладно, проехали. Давайте тогда только о последнем эпизоде: учителя подтверждают, что недавно Юрчилов ударил мою дочь папкой с учебниками по голове?

— Про этот факт действительно упоминалось,— поморщившись, вынужден был согласиться участковый.— Но директор поясняет, что, во-первых, вы сильно преувеличиваете. А во-вторых, случаю давалась принципиальная оценка. Мальчик в присутствии вашей супруги извинился, и инцидент считается исчерпанным.

— Ах, считается... А ну, иди-ка сюда,— позвал Игорь жену из комнаты Иринки.— Разобъясни-ка товарищу начальнику по поводу принципиальной оценки...

— Малолетнего преступника пришли защищать? А где вы были, когда он мою

дочь избивал и оплевывал? С учителями заодно? Да он ее совсем затерроризировал! — налетела Кедрова коршунихой на участкового инспектора, с жаром перечисляя все случаи унижения дочери.

Лейтенант милиции несколько минут молча слушал материнские претензии, а затем протестуя поднял руки вверх, как бы закрываясь от словесного потока, низвергнувшегося на его голову:

— Хорошо, хорошо... — И опустил руки на стол. — Значит, так: мы во всем тщательно разберемся, если неприязненные отношения между детьми действительно имели место.

— Представьте, имели! — выпалила Людмила. — А вы тут устраиваете... игру в одни ворота! Да моя Иринка и мухи не обидит!

— И все же: разве она не избивала Юрчилова рюкзаком?

— Слегка погладила, это точнее, — не согласился капитан. — Подтверждаю: в моем и учительницы присутствии. Только действовала по собственному почину... Поняла, что мой разговор с Алексеем ни к чему не приведет: тот хамил, врал, вину признавать не собирался. Скажу больше: он и надо мной начал издеваться. Мне, мол, некогда по пустякам болтать, спешу, да и вообще — если что и произошло, то нечаянно, ненароком... Вы согласны, что шарахнуть сколько есть мочи сумкой по голове одноклассницы возможно похода, даже этого как бы и не заметив?

— Мы разберемся, — повторился участковый инспектор. — Только это тоже не метод — устраивать самосуд. Необходимо было еще раз посетить директора, встретиться с отцом подростка, к нам в конечном итоге обратиться...

— Пардон, никакого самосуда, — уточнил Игорь. — С моей стороны... Ну, стукнула Иринка одноклассника — в отместку, несильно, девочка она хиленькая. Ну, за вихор дернула... От этого же не умирают, так? Напомню: все, что она сделала, неуправляемый мальчишка с ней творил раньше и больше... Давайте тогда уж обоюдно их действия разбирать...

— Сейчас мы больше о ваших действиях речь ведем, — гнул свою линию лейтенант милиции. — Кутова настаивает, что девочка действовала по вашей указке, и уверена, что у вас заранее сговор был.

— Хех! — усмехнулся Кедров. — Да ради куска хлеба — в смысле места в школе — она вам сейчас засвидетельствует, будто я каждую ночь в кабинете директора первоклассниц насилую! Повторяю: мальчишка мне нахамил, дочь поняла, что из разговора толку не будет, ну и... какой тут может быть сговор? Так и пишите...

— Ну хорошо, — участковый инспектор взял из «лентяйки» чистый лист. — Теперь надо бы и от несовершеннолетней объяснение принять.

— Категорически возражаю, — отрезал капитан.

— Почему?

— Чтоб лишний раз ребенка не травмировать. Да и без педагога вы малолетних опрашивать не имеете права...

— Время тянете? Ладно... Значит, так: завтра в школе опросим.

— А я сегодня дочери строго-настрого запрещаю с любым на эту тему разговаривать, — предупредил Игорь. — И посмейте только на девочку давить — по судам за таскаю!

— Благодарю за откровенность! — и участковый инспектор резко захлопнул «лентяйку».

...И этот бой был выигран. Правда, после ухода милиционера Игорю пришлось выслушать критическое мнение Людмилы о сложившейся ситуации. Но теперь и жена, и дочь в любом случае должны были действовать заодно с главой семьи, как бы ни складывались обстоятельства...

Через несколько дней, когда Кедров уже вышел на службу, его вызвали в военную прокуратуру: все собранные по факту «группового хулиганства с предварительным сговором» материалы были переданы туда. С тяжелым сердцем шагал по улице капитан: а вдруг адвокат в своих предположениях все же оказался неправ?..

— Разрешите? — постучался и приоткрыл светлой полировки дверь в кабинет военного прокурора Игорь. И четко отпартовал: — Товарищ полковник, капитан Кедров по вашему приказанию прибыл!

— Проходите, присаживайтесь,— пригласил хозяин кабинета, сидящий в черном кожаном кресле на колесиках за массивным рабочим столом. Перпендикулярно к нему примыкали еще три, «рангом» поскромнее, с придвинутыми по обеим сторонам рядами полумягких стульев. Боевой офицер сдернул пятнистую кепку и осторожно уместился на одном из них.

Выдержав паузу, полковник — лысый, с широким пористым носом и выпирающим кадыком — задал риторический вопрос:

— Понимаете, товарищ капитан, по какому поводу вы здесь?

— Да уж, догадываюсь.

— Тем лучше — не будем ходить вокруг да около. Конфликтная ситуация в школе наличествовала?

— Имела таковая место,— нехотя признал Кедров.

— А поскольку вы — армейский офицер, то и материалы проверки по заявлению гражданина Юрчилова были, соответственно, направлены милицией в наш адрес.

— Ну, это-то понятно.

— Вот и ладно. Итак, с документами мы внимательно ознакомились. Было над чем подумать... М-да-а... Посему сделали запрос в воинскую часть, характеристику и личное дело ваши нам переслали. Скажу откровенно: впечатляет. Афганистан... кстати, в свое время я тоже в Кандагаре побывал и даже знал вашего бывшего командира полка Чайкина. К слову: не в курсе, где он сейчас?

— В Подмоскowie, на пенсионе. На даче затворником живет, редиску выращивает.

— М-да-а. А какой лихой офицер был! Ладно, у каждого по жизни свой путь... Значит, Афганистан — орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги»... Чечня, Дагестан, Чечня, опять Чечня... Орден Мужества, две медали «За отвагу», «За отличие в воинской службе»... Целый иконостас!

— Скажете тоже. Да у того же Чайкина — куда круче... Вот только он свои награды недавно все хотел переплавить и потом результат в реке утопить.

— Что-что-что? — удивился военный прокурор.

— Эхх! Не хотелось вам говорить,— вздохнул Кедров.— В религию командир качнулся. И круто. От беса, кричал, все эти награды дадены, за души людские загубленные. Грехов, значит, на нем много, успеет ли к смертному часу замолить? А не то — гореть ему на адовой сковородке... Спасибо, жена и сын вовремя неладное углядели — кое-как скопом забрали медали и ордена. Теперь вот у соседей хранят. И вообще, товарищ полковник, вы ж меня сюда вызвали не о наградах моих, да и чужих речь вести...

— Ох и ершист ты, однако, капитан! — неожиданно отказался хозяин кабинета от официального «вы». — Подразумеваю, оттого-то до тридцати семи — и все в младших офицерах. Характеристика-то на тебя, с одной стороны, положительная, а с другой — ввернули: «Не всегда соглашается с мнением вышестоящего начальства».

— Ага. Особенно если оно выдает на-гора идиотские приказы, а когда я их по мере возможности все же стараюсь исполнить, от косяков попробуй застрахуйся. Я

же потом еще и крайним оказываюсь, если возражать начинаю и не соглашаюсь чужую вину на себя принять. Дурдом!

— М-да-а... Ладно, я тебе как афганец афганцу. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении тебя мы, конечно, вынесем. Только вот что еще для этого сделать надо. Тут, в материалах, имеется акт судмедэкспертизы — по поводу полученных несовершеннолетним Юрчиловым телесных повреждений: на удивление быстро спроворили! — так и ты дочь на медосвидетельствование тоже своди. Направление мы подготовили, вот, а заключение в дело подошьем.

— Без проблем,— отозвался Кедров.

— Идем дальше. Вот бумага. Немедленно пиши объяснение, что по статье 51 Конституции РФ никто показания против себя и близких родственников давать не обязан, а значит, молчание дочери закону не противоречит. Это чтобы на рапорт участкового ответить, где он на тебя и дочь бочку катит: мол, отказываются давать показания. Однако вот жену твою почему-то опросить запаматовал — ну ничего, мы это живо поправим...

— Раз оно так пошло, товарищ полковник, тогда и я скажу,— насупился Игорь.— На днях на меня было совершено разбойное нападение. Четверо неизвестных мужчин окружили по дороге из школы — дочь провожал. Молодые, накачанные, с холодным оружием. И если бы не мой богатый опыт в рукопашке, лежать бы точно сейчас в реанимации. Ну, за что боролись, на то и напоролись. Да, кастет, ножи и шокер, что у этих громил отобрал, припрятал. Надо — отпечатки там или что, так принесу.

— Один против четверых? — изумился военный прокурор.— И сдюжил? Однако! Кстати, рапортом-то своему командиру доложил?

— А смысл? — вопросом на вопрос ответил офицер.— Оно понятно, что это люди Юрчилова были, я даже его самого в джипе неподалеку лицезрел, только вот поди докажи...

— Ну и напрасно,— не согласился полковник.— Если подобное повторится — немедленно рапорт по команде и в милицию заявление.

— Да уж... — скептически протянул Игорь.— Если повторится — они умнее будут. В плане, подготовленнее...

...Прошло еще несколько суток.

В деле появились новые документы: школьная характеристика на Иринку — на одно достоинство три недостатка. Плюс свидетельские показания несовершеннолетнего Антона Мокрицкого, подглядывавшего за ходом конфликта. Наконец-то приняли подробное объяснение и от Людмилы. В документы подшили второй акт медосвидетельствования — теперь уже несовершеннолетней Кедровой, «давно и часто жалующейся на аналогичные головные боли». Опрошенная в прокуратуре Ожившая Мумия свою роль в затяжном ЧП поясняла неубедительно...

И в итоге гарнизонная военная прокуратура в возбуждении уголовного дела в отношении гражданина Кедрова И.Д. и гражданки Кедровой И.И. по части 2 статьи 213 Уголовного кодекса РФ «Хулиганство» отказала — «за отсутствием состава преступления».

О чем и был официально поставлен в известность командир мотострелкового полка.

Можно было считать, что выигран главный бой?.. Однако жизнь внесла свои коррективы...

Вскоре Игоря вызвал к себе в кабинет заместитель командира полка по воспитательной работе. Пасмурное лицо подполковника душевной беседы явно не обещало.

— Мало мне, товарищ капитан, было запросов из военной прокуратуры, так теперь ваша фамилия еще и у заместителя командующего по тылу на слуху! — официально, на «вы», начал старший офицер, хотя обычно бесцеремонно «тыкал» младшим по званию.

— В каком смысле? — насторожился Кедров.

— В отрицательном,— уточнил подполковник и перешел на «ты».— Генералу поступил сигнал, что ты человека нужного обидел. Так и сказал: очень нужного. И фамилию назвал. Догадываешься, о ком идет речь?

— Само собой...

— Так вот: генерал требует, чтобы ты прилюдно, в школе, извинился перед одноклассником твоей дочери и его отцом и вообще уладил как-то этот вопрос. Можешь считать таковое приказом.

— Мне лично извиняться не за что,— отрубил Игорь.— А вопрос... Что ж, если «как-то», то он уже улажен.

— Это тебе лишь кажется,— наклонился к нему главный воспитатель полка.— Не забывай: я тоже материалы несостоявшегося уголовного дела читал. И склонен думать, даже уверен, что на деле все происходило именно так, как учительница пишет. Был в твоих действиях криминал! Был! Только тебе подвезло: испугом отделался. Впрочем, и к лучшему: пятна еще на всю часть не хватало...

— А в действиях подрастающего садиста вы криминала не находите? — возмутился Кедров.— И что учителя все знали, да молчали?

— Такие оценки давать неправомерен,— сразу откrestился от ответа на скользкий вопрос подполковник.— Моя обязанность — отследить твое поведение и, если требуется, наказать по всей строгости!

— Интересно, за что? В возбуждении-то отказано...

— А за то самое! Например, за ненадлежащее воспитание дочери — в духе рукоприкладства! За нежелание в конфликтной ситуации общаться с руководством школы! За оказание психологического давления на несовершеннолетних своими прогулками в форменной одежде под окнами учебного заведения! Вам что, товарищ капитан, для этого форма дана? — вновь перешел на «вы» и поднялся с кресла подполковник.

Игорь тоже встал — субординация — и заявил:

— Будь на месте моей дочери ваша — вы б наверняка рассуждали иначе! — И осекся, поняв, что наступил на больную мозоль старшему офицеру: детей у него — по слухам, из-за его стерильности — не было.

— Я попрошу, товарищ капитан...— побагровел и, прищулив глаза, повысил голос «воспитатель»,— не проводить неумные и оскорбительные параллели! Хорошенько подумайте над предложением генерала — иначе я не гарантирую вам прохождения дальнейшей службы в нашей части!

— Артиллерия бьет по своим? Тогда мне только и остается, что самому к генералу на прием записаться!

— Это если мы позволим,— процедил подполковник,— а для начала еще командир полка имеется. Так что главный разговор впереди. Свободны!

...Вечером того же дня капитана поджидал второй неприятный сюрприз: жена со слезами сообщила, что ее уволили,— а работала Кедрова инспектором социальной защиты в администрации одного из городских районов.

— Сказали, что меня и держали раньше только из жалости,— возмущалась Людмила.— У меня же строительный техникум — «не по профилю». «На ваше место претендует классный специалист...». Я уже и у юриста была — по КЗОТу, говорит, нарушения нет...

— Ничего-ничего... Устроишься где-нибудь по специальности,— пытался утешить жену Игорь.

— Ты в своем уме? — напустилась она на мужа.— Это где и кто нынче хоть что-нибудь строит? И какой из меня прораб, если с нашими переездами я вообще проработала года полтора, а потом прочно в домохозяйки...

— Будем что-то подыскивать... Через биржу, через газеты...— только и смог ответить Кедров.

Но на том сюрпризы не закончились. Назавтра Иринка принесла из школы сразу две двойки. Потом они пошли сплошным потоком: по три-четыре в день. Учителя спрашивали девочку на каждом уроке, вопросы задавали самые каверзные, ловили на всякой мелочи и постоянно выговаривали ни за что. Особенно в том преуспевала Маргарита Отговна.

— Четверть века преподаю — и впервые вижу такое нежелание к учебе! Ты, смотрю, по «неудам» скоро и Мамонова переплюнешь! В чем дело? Элементарщины решить не в состоянии! — с явным наслаждением ругала Кутова Иринку, вызвав ее к доске и предлагая задачу повышенной сложности.— И нечего мне тут крокодиловы слезы лить! Все равно тройки не выплачешь!

Быстро уяснив ситуацию, одноклассники объявили девочке тихий бойкот: никто и пальцем не трогал, но теперь вовсе не общались, принципиально поворачиваясь к ней спиной и игнорируя робкие попытки завязать разговор. Иринка, чего с ней раньше никогда не случалось, стала прогуливать школу.

А через две недели — за это время жена Игоря так и не нашла себе новой работы, а у офицера в части стали готовить документы на его перевод в тмутаракань — классный руководитель принесла супругам на дом официальное уведомление... Решением специальной комиссии из ведущих педагогов школы, возглавляемой представителем городского комитета по образованию, ученица седьмого класса Кедрова была признана неспособной обучаться в показательной школе с математическим уклоном, куда принимаются лишь особо одаренные дети. Кандидатка же не выдержала испытательный срок, в связи с чем, родителям было предложено перевести девочку в другую школу — и даже указано, в какую именно.

Только тут Людмила вспомнила, что какую-то бумагу по этому поводу она раньше, при приеме дочери на учебу после очередного переезда семьи, действительно подписывала, но как-то не придавала тому особого значения...

— Пускай так,— всхлипывала Иринка.— Пускай переводят, лишь бы побыстрее. Но почему здесь, даже если в сто раз хуже меня отвечают,— всем тройки? Даже Мамонову ставят, а он, бывает, вообще молчит... Ко мне в классе никто не подходит! Не разговаривают! Отворачиваются! А учителя кричат, что я лентяйка и тупица! За что? Папа, за что?

Жена кричала на Игоря, обзывала всяко. Он угрюмо молчал, понимая, откуда дует ветер. Семье методично «перекрывали кислород» по всем каналам.

Прошло еще несколько дней...

Получив законный выходной после воскресного наряда, капитан решил идти ва-банк. Собственно, а что ему еще оставалось?

Позавчера Иринку так довели в школе, что она попыталась покончить с собой. Выбрала не петлю или прыжок с крыши высотного дома, а отравление. Наглоталась снотворного, которое иногда принимала на ночь мать. И если бы та не вернулась рано домой, получив отказ в трудоустройстве в двух местах, неизвестно, удалось ли спасти решившуюся на самоубийство.

Сейчас жизнь девочки уже была вне опасности, но пока еще Иринка находилась в реанимации...

В так называемой посмертной записке — есть такой термин,— а вернее, целом письме девочка сообщала родителям, что после уроков Юрчилов-младший вновь изо всех сил ударил ее папкой по голове во дворе школы. И пообещал теперь избивать каждый день. Когда же Иринка закричала, зовя на помощь директора школы и классного руководителя, которые как раз в эту минуту вышли на порог, обе женщины, прекрасно видевшие действия сына нового русского, по-военному сделали поворот кругом и спрятались в здании, да так оттуда и не вышли, сколько девочка ни плакала. А Юрчилов-младший важно уселся на переднее сиденье «джипа», возле которого стояли пятеро крепких мужчин, и с комфортом отбыл домой...

...Собираясь на свою личную войну, офицер не стал надевать камуфляжной формы. Облачился в непривычный гражданский костюм, повязал галстук, надел надранные тупоносые туфли. Немного подумал и прикрепил на грудь все свои начищенные — не до блеска, а чтобы чуть высветлились — боевые награды.

По широкому асфальтированному тротуару Кедров твердо шагал к офису фирмы Юрчилова-старшего, нежно поглаживая в кармане гладкие бока гранат «эргэдэшек». Слегка нагретый металл успокаивал, вселял дополнительную уверенность в своих силах, убеждал в собственной справедливости.

А вокруг шелестели зеленой, слегка запылившейся — не было дождей — листвою деревья, и цвиркали в этой зелени птицы... Солнечные лучи, еще не очень жаркие, спускались с безоблачного неба. И не верилось боевому капитану-мотострелку, что сегодня, через считанные минуты, в одно мгновение единственный маленький осколок «эргэдэшки» может похоронить под собой весь этот привычный мир с его явными и тайными войнами. Однако твердо знал решившийся на крайность офицер одно: случись даже самое худшее — и в мир иной, которого мы все до тошноты, до ужаса, до отчаяния боимся, но куда неминуемо придем, он шагнет только вместе со своим главным врагом. Шагнет без колебаний.

...Ах, как не хотелось делать этот непоправимый шаг! Но на все теперь оставалась одна — Господня — воля.